

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

---

*О СВОБОДЕ ВОЛИ
ОБ ОСНОВЕ МОРАЛИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Ш79

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого *Ю. Айхенвальда*
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Шопенгауэр, Артур.

Ш79   О свободе воли ; Об основе морали / Артур Шопенгауэр ; [перевод с немецкого Ю. Айхенвальда]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-153585-8

Артур Шопенгауэр (1788–1860) — выдающийся немецкий философ-иррационалист.

Произведения, представленные на конкурс в Королевскую академию наук Норвегии, посвящены двум основным проблемам этики: свободе воли и основам морали.

По Шопенгауэру, человек не обладает совершенной и устоявшейся природой. Следовательно, он в равной степени свободен и несвободен.

Лишь только воля составляет сущность человека, поэтому свобода — удел немногих...

И вот парадокс: в этом добровольном закабалении повинна прежде всего сама мораль.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

**ДВЕ
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭТИКИ,
рассмотренные
в двух академических конкурсных
сочинениях**

*доктора Артура Шопенгауэра,
члена Норвежской королевской
академии наук*

Megale e aletheia cai uperischuei.
(Велика истина и сильнее всего¹⁾)

Предисловие к первому изданию

Возникнув независимо друг от друга, по внешнему поводу, предлагаемые два трактата слагаются, однако, в единую систему основных истин этики — систему, которая, можно надеяться, будет признана шагом вперед в этой науке, вот уже полстолетия не двигавшейся с места. Но ни в одном из них я не мог сослаться на другой, точно так же как и на мои прежние сочинения, потому что оба написаны для разных академий, а при этом, как известно, должно соблюдаться строгое инкогнито. Вот почему некоторые вопросы оказались неизбежно затронутыми в том и другом: ничего нельзя было предполагать за данное и всюду приходилось начинать *ab ovo* (с самого начала². — *лат.*). Это в особенности касается детального развития двух учений, которые в своих основных чертах содержатся в четвертой книге «Мира

как воли и представления»; но там они выводятся из своей метафизики, стало быть, синтетически и а priori, — здесь же, где по обстоятельствам дела надлежало отказаться от всяких предпосылок, они получают себе аналитическое и апостериорное обоснование: таким образом, что там было первым, здесь оказывается последним. Но именно благодаря тому, что здесь исходным пунктом служит общепринятая точка зрения, а также благодаря подробному изложению учения эти много выиграли в удобопонятности и убедительности и важность их разъяснена гораздо полнее. По этой причине эти два трактата надо рассматривать как добавление к четвертой книге моего главного труда, подобно тому как мое сочинение «О воле в природе» является очень существенным и важным дополнением его второй книги. Впрочем, как ни разнородна их тема с темой только что названного сочинения, тем не менее между последним и ними существует действительная связь — сочинение это можно даже до некоторой степени назвать ключом к настоящей книге, и только уразумение этой связи обеспечит вполне законченное понимание их обоих. Если когда-нибудь со временем меня будут читать, то убедятся, что моя философия подобна стовратным Фивам: вход открыт со всех сторон и отовсюду прямой путь ведет к центру.

Замечу еще, что первый из этих двух трактатов уже был напечатан в девятом томе выходящих в Дронтгейме «Записок Королевской норвежской академии наук». Академия эта, ввиду отдаленности Дронтгейма от Германии, с величайшей готовностью и любезностью исполнила мою просьбу и разрешила мне издать эту конкурсную работу для Германии, за

что я публично приношу здесь ей свою искреннюю благодарность.

Второй трактат Королевской датской академией наук не был удостоен премии, хотя на конкурсе не было представлено никакого другого труда. Так как Академия опубликовала свой отзыв о моей работе, то я вправе подвергнуть его разбору и представить свои возражения. Отзыв помещен мною вслед за соответствующим трактатом, и читатель узнает из него, что Королевская академия не нашла в моей работе решительно никаких достоинств, а только одни недостатки и что недостатки эти сформулированы в трех различных пунктах, которые я теперь последовательно и рассмотрю.

Первый и главный аргумент, по отношению к которому остальные два имеют лишь второстепенное значение, заключается в том, будто я не понял темы, ошибочно вообразив, что требуется установить принцип этики, тогда как на самом деле вопрос главным образом касался *связи между метафизикой и этикой*. Я совершенно-де не занялся выяснением этой связи (*omisso enim eo, quod potissimum postulabatur*), говорится в начале отзыва; однако через три строчки это забывается и говорится противоположное, а именно: я будто бы выяснил эту связь (*principii ethicae et metaphysicae suae nexum exponit*), но сделал это в приложении, притом дав вопросу более широкую постановку, чем требовалось.

Не буду совсем касаться этого противоречия отзыва с самим собою: на мой взгляд, оно порождено тем затруднительным положением, в какое попала Академия. Я только попрошу беспристрастного и научно подготовленного читателя прочесть повни-

мательнее выставленную Датской академией *тему с предпосланным ей введением* — оно напечатано перед самим трактатом вместе со сделанным мною их переводом: и тогда пусть он решит, *о чем, собственно, идет речь в этой теме*, о последнем ли основании, принципе, фундаменте, истинном и подлинном источнике этики или же о связи между этикой и метафизикой. Чтобы помочь читателю, я подвергну здесь введение и тему аналитическому разбору и постараюсь представить их смысл в самом ясном виде. Во введении к теме говорится: «Существует необходимая идея моральности, или первичное понятие о моральном законе, выступающее в двояком виде, а именно, с одной стороны, в морали как науке, а с другой — в *действительной жизни*; в этой последней оно сказывается опять-таки двояко, именно частью в суждении о нашем собственном поведении, частью в суждении о поступках других. К этому первоначальному понятию моральности стали примыкать впоследствии еще другие, на него опирающиеся. На этом-то введении Академия и основывает свой вопрос: где же надо искать *источник и основу морали*? Не в первоначальной ли какой-нибудь идее моральности, которая, быть может, фактически и непосредственно дана в сознании или совести? Тогда надлежало бы анализировать эту идею, а также вытекающие из нее понятия. Или же мораль имеет какой-либо иной познавательный принцип?» По-латыни тема, если отбросить несущественное и дать словам вполне удобопонятное расположение, будет гласить: «*Ubinam sunt quaerenda fans et fundamentum philosophiac moralis? Suntne quaerenda in explicatione ideae moralitatis, quae conscientia immediate contineatur? an*

in alio cognoscendi principio?» («Где искать источник и фундамент моральной философии: в объяснении идеи моральности, которая существует; в непосредственном сознании, или же в ином познавательном принципе?» — *лат.*). Этот последний вопрос самым ясным образом показывает, что вообще тут речь идет о *познавательном принципе морали*. Для пушей вразумительности прибавлю еще парафрастическое толкование данной темы. Введение исходит из двух вполне *эмпирических* положений: «Существует фактически, — говорит оно, — наука о морали; факт тот, что в *действительной жизни* обнаруживается наличие моральных понятий, именно частью, когда мы сами, в своей совести, делаем моральную оценку нашим собственным поступкам, частью — когда мы обсуждаем в моральном отношении поступки других. Равным образом имеются разного рода моральные понятия — например, долг, вменяемость и т. п., — с которыми все считаются. Во всем этом явно проглядывает какая-то исконная идея моральности, основная мысль о каком-то моральном законе, необходимость которого, однако, особого свойства, а не чисто *логическая*, т. е. ее нельзя доказать на основании одного закона противоречия, из подвергаемых оценке поступков или из лежащих в их основе правил. Из этого морального первопонятия вышли потом остальные главные моральные понятия, которые от него зависят, а потому с ним нераздельны. На что же все это опирается? Ведь решение этого вопроса имеет большое значение. Поэтому Академия и предлагает следующую задачу: надо *искать* (*quaerenda sunt*) источник, т. е. первоначало морали, ее основу. Где же искать его, т. е. где можно его найти?

Быть может, в какой-нибудь врожденной нам *идее моральности*, содержащейся в нашем сознании, или совести? В таком случае оставалось бы только проанализировать (*explicandis*) эту идею вместе с зависящими от нее понятиями. Или же его надо искать где-нибудь в другом месте? Т. е. не имеет ли мораль своим источником какой-либо совершенно иной познавательный принцип наших обязанностей, нежели только что приведенный в виде предположения и примера?» Таково содержание введения и темы, выраженное пространнее и яснее, но вполне правильно и точно.

У кого же останется теперь хотя бы малейшее сомнение в том, что Королевская академия спрашивает об *источнике*, первом начале, основе, последнем познавательном принципе *морали*? Но ведь у *морали*, безусловно, не может быть иного источника и основы, чем у самой *моральности*: ибо то, что теоретически и в идее есть мораль, практически и реально будет *моральностью*. Но источником *моральности* необходимо должно быть последнее основание ко всякому морально добропорядочному поведению: именно это основание должна, таким образом, выставить со своей стороны также и мораль, чтобы опираться и ссылаться на него во всем, что она предписывает человеку, если только она не желает диктовать свои предписания совершенно произвольно или строить их на ложной основе. Она должна, следовательно, указать это последнее основание всякой моральности; ибо оно служит краеугольным камнем ее научных построений, как в нем же черпает свое начало практическая моральность. Это и есть, бесспорно, то *fundamentum philosophiae moralis* (основа-

ние моральной философии. — лат.), о котором спрашивает тема: ясно, стало быть, как день, что тема действительно предлагает искать и выставить *принцип этики* (ut principium aliquod Ethicae conderetur) не в смысле просто высшего предписания, основного правила, а как *реальную основу всякой моральности и потому познавательную основу морали*. А меж тем рецензия *отрицает* это, говоря, что мой трактат не может быть премирован ввиду такого моего понимания задачи. Но так поймет и должен понять ее всякий, кто прочтет тему: это прямо напечатано там в ясных, недвусмысленных выражениях и не может быть толкуемо иначе, пока слова латинского языка сохраняют свой смысл.

Я пустился здесь в подробности; но это дело важное и достойное внимания. Ибо из сказанного с несомненностью явствует, что, *по словам Академии, она не задавала вопроса, который, очевидно и бесспорно, ей был задан*. Она утверждает, напротив, что спрашивала нечто иное. Именно: главным предметом конкурсной темы (только ее можно разуметь под словами *ipsum thema*) была будто бы *связь между метафизикой и моралью*. Пусть теперь читатель соблаговолит взглянуть, говорится ли об этом хоть *одно слово* в самой теме или во введении: ни звука, ни намек даже. Ведь кто спрашивает о связи двух наук, тот должен, по крайней мере, их обе назвать, но о метафизике не упоминается ни в теме, ни во введении. Впрочем, вся эта главная фраза в отзыве станет яснее, если вместо извращенной конструкции дать ей естественную, так что при сохранении совершенно тех же самых выражений она будет гласить: «*Ipsum thema ejusmodi disputationem flagitabat,*

in qua vel praecipuo loco metaphysicae et ethicae nexus consideraretur: sed scriptor, omisso eo, quod potissimum postulabatur, hoc expeti putavit, ut principium aliquod ethicae conderetur: itaque eam partem commentationis suae, in qua principii ethicae a se propositi et metaphysicae suae nexum exponit, appendicis loco habuit, in qua plus, quam postulatum esset, praestaret» («Эта тема требовала такого исследования, в котором прежде всего должна рассматриваться связь метафизики и этики; но, пренебрегая тем, что от него требовалось в первую очередь, автор посчитал, что речь должна идти об установлении некоего принципа этики, поэтому он представил ту часть своего сочинения, в которой толкуется связь установленного им этического принципа с его метафизикой, только в приложении, в каковом он к тому же излагает больше, чем от него требовалось». — *лат.*). Да вопрос о связи между метафизикой и моралью совершенно не вяжется и с той точкой зрения, из которой исходит *введение* к теме: ведь последнее начинается с *эмпирических* замечаний, ссылается на моральные суждения, имеющие применение в *обыденной жизни*, и т. п., затем спрашивает, на чем же все это в конце концов *основано*, — и, наконец, предлагает как пример возможного решения врожденную, данную в сознании идею моральности, т. е. в своем примере, в виде опыта, и предположительно принимает за решение чисто *психологический факт*, а не какое-либо метафизическое умозрение. Но из этого ясно можно заключить, что тут высказано требование, чтобы мораль была обоснована на каком-либо *факте*, в сознании ли или во внешнем мире, а не желание видеть ее выведенной из фантазий какой-либо метафизики; поэтому Академия

с полным правом могла бы отвергнуть сочинение, разрешающее вопрос этим последним способом. Над этим стоит подумать. А тут еще присоединяется и то обстоятельство, что якобы поставленный, хотя нигде не выраженный, вопрос о *связи между метафизикой и моралью* совершенно не допускает ответа и, следовательно, если признать за Академией хоть какое-нибудь понимание дела, был бы *невозможен*: на него *не может быть ответа* потому именно, что *просто метафизики* нет, а существуют лишь различные (притом в высшей степени различные) *метафизики*, т. е. всякого рода попытки к метафизике, — их очень много, именно столько, сколько когда-либо было философов, так что каждая из них поет совершенно иную песню, и потому все они в корне расходятся и разногласят одна с другой. Поэтому позволительно, конечно, спрашивать о связи между этикой и аристотелевской, эпикуровской, Спинозовской, Лейбницевской, Локковской или иной какой определенно указанной метафизикой; но никогда и ни в коем случае нельзя спрашивать о связи между этикой и *просто метафизикой* — ибо вопрос этот был бы лишен всякого определенного смысла, предполагая соотношение между вещью данной и вещью совершенно неопределенной, быть может даже невозможной. Ибо пока не существует признанная объективной и неоспоримой метафизика, т. е. *просто метафизика*, мы не знаем даже, возможна ли вообще подобная метафизика, а также — какова она будет и может быть. Если, впрочем, возразят, что у нас все-таки есть совершенно общее, стало быть, конечно, неопределенное понятие о *метафизике вообще*, с точки зрения которого и можно было бы

спросить о связи вообще между этой метафизикой in abstracto и этикой, то с этим придется согласиться; однако ответ на взятый в этом смысле вопрос был бы настолько легок и прост, что смешно было бы назначать за него премию. А именно: он не мог бы заключаться ни в чем ином, как только в утверждении, что истинная и законченная метафизика должна доставить прочную опору, последние основания также и этике. К тому же эта мысль развита мною в самом первом параграфе моего трактата, где я между трудностями предстоящей мне задачи в особенности отмечаю то, что она по самому своему характеру исключает обоснование этики с помощью какой-либо данной метафизики, которая служила бы отправным пунктом и на которую можно было бы опереться.

Итак, здесь мною неопровержимо доказано, что Королевская датская академия действительно поставила вопрос, от которого она отрекается; вопрос же, который, по ее словам, она задала, *не* был, да и не мог быть ею задан. Такое поведение Королевской датской академии, по выставленному мною моральному принципу, будет, конечно, неправильным, но так как она моего морального принципа не признает, то для нее само собою найдется какой-нибудь другой, согласно которому она будет права.

А на то, о чем *действительно* спрашивала Датская академия, мною дан точный ответ. Прежде всего в *отрицательном* отделе трактата я доказал, что за принципом этики надо обращаться не туда, где в последние шестьдесят лет с уверенностью полагают его местопребывание. Затем в *положительном* отделе я раскрыл подлинный источник морально одобряемых поступков и действительно *доказал*, что они ис-

ходят из этого источника и ниоткуда более исходить не могут. В заключение я выяснил связь, в какой эта реальная основа этики стоит не с *моей* метафизикой, как ложно утверждает рецензия, да и вообще не с какой-либо определенной метафизикой, а с общей основной мыслью, присущей очень многим метафизическим системам, быть может, большинству — несомненно, во всяком случае, древнейшим — по моему мнению, наиболее истинным из них. Этот метафизический очерк дан мною не в качестве приложения, как говорится в рецензии, а в качестве последней главы трактата: это заключительный камень всего построения, завершающая его высшая точка зрения. Если я при этом упомянул, что даю здесь больше, чем собственно требуется темой, то это именно потому, что последняя ни одним словом не указывает на метафизическое истолкование вопроса, а тем не менее будто бы его только, собственно, и имеет в виду, как утверждает это рецензия. Впрочем, будет ли этот метафизический разбор прибавлением, т. е. чем-то представляющим собою излишек сравнительно с тем, что требовалось, или нет, — это вещь второстепенная, даже вовсе безразличная: достаточно, что он имеется. Если же рецензия *это* желает поставить мне в вину, то в этом обнаруживается то затруднительное положение, в котором очутились ее авторы: они хватаются за все, чтобы только найти какое-нибудь возражение против моей работы. И по самой сути дела, впрочем, названный метафизический очерк должен был составить заключение трактата. Ибо, будь он предпослан в начале, принцип этики пришлось бы выводить из него *синтетически*, а это возможно было бы в том лишь случае, если бы

Академия указала, какую из многочисленных, столь резко отличающихся между собою метафизик угодно ей выбрать для выведения этического принципа; но истинность последнего была бы тогда в полной зависимости от принятой при этом метафизики, т. е. оставалась бы проблематичной. Таким образом, характер вопроса делал необходимым *аналитическое* обоснование морального первопринципа, иными словами, обоснование, которое черпается из действительного строя вещей, без предположения какой-либо метафизики. Именно потому, что в новейшее время путь этот всеми был признан за единственно надежный, *Кант* и попытался обосновать моральный принцип аналитически, независимо от всяких метафизических предпосылок, как это сделали еще раньше английские моралисты. Вновь отказываться от этого метода было бы явным шагом назад. Если бы Академия все-таки этого требовала, она должна была бы по крайней мере самым определенным образом это высказать: но в ее теме нет даже и намека на подобное требование.

Если уж Датская академия великодушно умолчала об основном недостатке моего труда, то и у меня нет причины открывать его. Боюсь только, что это нам нисколько не поможет, ибо предвижу, что чутье проницательного читателя все-таки наведет его на след и укажет, где дело нечисто. Может, пожалуй, ввести его в заблуждение то обстоятельство, что мой норвежский трактат, по крайней мере, в такой же степени страдает этим самым основным недостатком. Правда, это не помешало Королевской норвежской академии увенчать мою работу. Зато и принадлежать к этой Академии есть честь, значе-

ние которой я с каждым днем начинаю яснее видеть и полнее ценить. Ибо как истинная Академия она не знает никаких иных интересов, кроме интересов истины, света, содействия человеческому пониманию и познанию. Академия не религиозный трибунал. Но прежде чем предлагать в качестве конкурсных тем столь высокие, серьезные и опасные вопросы, как оба те, которым посвящены эти два трактата, каждая академия должна, конечно, отдать себе самой отчет и твердо установить, действительно ли она готова публично стать на сторону истины, что бы последняя ни гласила (ибо какова будет истина, этого она заранее знать не может). Ведь потом, когда на серьезный вопрос последует серьезный ответ, поздно будет брать его назад. И раз уже приглашен каменный гость, то при его приходе даже Дон Жуан слишком джентльмен, чтобы отречься от своего приглашения. Опасения за последствия и есть, без сомнения, та причина, почему европейские академии обычно весьма остерегаются выставлять подобные темы. В самом деле, два разработанных здесь конкурсных вопроса — первые в этом роде, с которыми, насколько я помню, пришлось мне встретиться в жизни: поэтому-то, *pour la rarete du fait* (из-за редкости дела. — *фр.*), я и взялся дать на них ответ. Ибо хотя мне давно уже стало ясно, что я слишком серьезно отношусь к философии, чтобы мог сделаться ее профессором, но я все-таки не думал, что тот же самый порок может повредить мне и в глазах какой-либо академии.

Второй недостаток моего трактата выражен Королевской датской академией в словах: «*Scriptor neque ipsa disserendi forma nobis satisfecit*» («Автор не